

ВЗГЛЯД ИЗДАЛЕКА, НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЛЕХАНОВА

Ж. Гранж (Париж)

Одну из самых тревожных странностей политической философии составляет вопрос о переходе от философской доктрины к идеологии, то есть, к легитимизации политических форм, необходимых для реализации философских идей или доктрин. Эта реализация порой полностью противоречит теории, которую она представляет. Так, например, Огюст Конт, выступающий за упразднение профессиональной армии и государства, становится ключевой фигурой для воинствующих республиканцев, основавших в 1889 г. государство Бразилия. Одним из тупиковых моментов политической философии является кардинальный вопрос о переходе от философии Маркса, с ее богатством и амбивалентностью, к теоретическому марксизму, особенно в Советском государстве *puis*?

Предполагается, что Георгий Плеханов ввел марксистское учение в России, вплоть до создания – судя по соответствующим биографическим заметкам – марксистского движения в стране. Изучение его трудов может помочь нам в решение наивного и фундаментального вопроса о переходе от философии к идеологии. В 1869 г. Бакунин перевел на русский язык "Манифест"; в 1882 г. Плеханов сделал новый перевод и затем опубликовал работу "Социализм и политическая борьба" (1883), положив начало целому ряду трудов, составляющих основу русского марксизма.

Рассмотрим только текст 1883 года в виде утлой ладьи для подхода к изучаемым вопросам, отношениям марксизма и социализма, теоретическим положениям Маркса, от философии до идеологии, вплоть до Сталина. Плеханов излагает доктрину, которая может показаться противоречивой: В его мышлении смешивается либерализм ("быстро встать на путь Европы"), положение о революции по образцу французской, и диалектический материализм (существуют законы истории, где вектор составляет народ). Что это означает? Пришествие марксистского мышления или преждевременное высказывание социал-демократа, русского Жореса, которого история ничему не научила. Ленин, который был учеником Плеханова, а затем отверг его учение, покажет пример этого парадокса.

История еще трепещет в нерешительности, и это позволяет вообразить, что ее ход мог быть иным. Сама терминология еще не установлена. Диктатура пролетариата для Плеханова означает правления народа, который представляется как совокупность населения (народовластие). Речь идет о развитии на высшем уровне совокупности ценностей Французской Революции (право, свобода). Эта диктатура рассматривается в смысле "правления" и "управления" силами оппозиционной партии в избирательной борьбе, которая позволит совершить вторую, более эффективную революцию, с опорой на все население. Таким образом, социализм есть политическая борьба за установление либерализма силами народа и для народа. Это не спонтанное общественное явление, а необходимая потребность существования современного государства. Il a besoin de l'État moderne pour exister.

Речь идет не о прудоновском анархизме или народничестве (Плеханов, как известно, принадлежал к народничеству с 1876 г. и отошел от него в 1880-х гг.). Ясно, что для него индустриализация, а не собственно капитализм, станет вектором прогресса. Народ политический, по Плеханову, есть народ образованный, современный, сведущий в науке и технике, более городской, чем сельский, экономически развитый и идущий по европейскому пути. Он переходит от старорусской ори-

ентации к ориентации на Запад, ибо там имеются более прогрессивные элементы в политическом и культурном отношении (буржуазия). Сближение рабочих и крестьян возможно только при условии вовлечения последних в великое движение новой истории.

Философия Маркса в очень упрощенной версии является для Плеханова идеологическим вектором борьбы против антимодернизации. Она дает ему идею естественного закона исторического развития, которая неизбежно приводит к выбору пути современного Запада. Таким образом, Маркс является для Плеханова, прежде всего, инструментом ухода от народничества. « Марксизм играл временами роль манчестерского утилитаризма, как некая воодушевленная рационализация начал индустриализации ». Философия Маркса явно играет роль инструмента - переход от философии к идеологии. «На вопрос политический Плеханов отвечает философией, или скорее, на философский вопрос, связанный с политической позицией, он выдвигает идеологию. » Поэтому некоторые высказывания Плеханова в оправдание своих замечаний по теории Гегеля и Маркса представляются выяснение и уточнений его политических позиций. Они вполне актуальны и сегодня, по совсем иным причинам.

Остается осмыслить свободу, способность самообразования и самоопределения, совместимость социализма и демократии.

Но Плеханов не Бернштейн, против которого, впрочем, активно выступал. Если революция не вершина политики (если Прудон и прочие ошибочно надеялись на спонтанную социальную революцию), не бывает политики без революции - реформы недостаточно. Поэтому демократия не достигается "спонтанно". Кое-кто может, вслед за Огюстом Тьерри, превозносить блага современной революции, но « [...] сейчас буржуазия приближается к концу своей исторической роли и [...] становится единственным представителем прогрессивных тенденций в обществе. Политическая и общественная власть больше не может принадлежать тем, кто живет трудом своих сограждан. Законодательство народа силами народа есть вектор прогресса, и социальные права.

Не следует рассматривать, как некоторые рекомендуют, только экономические отношения. Следует действовать политически в государстве, в том числе через всеобщее избирательное право. Свобода есть историческая необходимость, которая восходит к французской революции, но должна защищаться всеми людьми.

По-видимому, все отделяет Плеханова от Жореса. Марксизма во Франции нет до 1914 г. Жорес, философ по образованию, читает Маркса (его диссертация на латыни озаглавлена "Истоки немецкого социализма"); но Маркс Жореса далек от "марксизма" Плеханова и более близок к "Вопросу о критике права" Гегеля. Один был спиритуалистом-материалистом (Жорес: человечество как скрытый бог, "подтекст"), а другой - материалистом, который приходит к своему пику спиритуализма: «в момент смерти, его материализм совершает почти религиозный поворот, на этот раз несколько сходный с учением Спинозы, которое он проповедовал вопреки борьбе с Бернштейном. Умирая и видя слезы жены, он упрекает ее: мы с тобой старые революционеры, мы должны быть тверды. И что такое смерть? Посмотрите в окно, как береза нежно склоняется к пихте? И я, быть может, когда-нибудь стану такой же. Что тут плохого? Материализм, достаточно приукрашенный пантеистическим состоянием души, осуществляется в созерцании мира таким, какой он есть, и возвышается почти благодарения. »

Между философией и идеологией, между марксизмом и социал-демократией, Плеханов помещается на пересечении сложных путей, которое определила история в единой линии детерминации.

Использованная литература

- Георгий Плеханов. Социализм и политическая борьба. / Философские сочинения. Издательство "Прогресс". Москва, 1961.
- Ален Безансон. Интеллектуальные истоки ленинизма. Переизд. Agora Pocket, 1986.

МАРКСИЗМ-XXI: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Н.А. Косолапов (Москва)

С распадом соцсодружества и СССР марксизм политически оказался на развилке. С одной стороны, социалистическая идея в целом переживает тяжелейший на ее веку кризис, умножаемый потугами мировой реакции сделать его необратимым. С другой, падение прежних административно-идеологических шор открыло возможности для мощного рывка в развитии марксизма, для ответа на новые интеллектуальные, политические, практические вызовы мира XXI века. Но на этом пути были и пока остаются немалые идейно-политические трудности.

Классический марксизм, оставленный нам его основоположниками, дал науке и практике ряд гипотез исторического масштаба и значения. Их проверка – дело не одного десятилетия и, по-видимому, даже не одного века. По существу только сейчас, спустя 150 лет, честная марксистская мысль получила в свое распоряжение опыт, научный анализ которого позволяет приступить – пока не более чем приступить – к оценкам изначальной гипотезы и, не исключено, ее некоторой корректировке.

Такой анализ, в свою очередь, должен будет задаться рядом трудных вопросов. Прежде всего предстоит разобраться, что такое сам марксизм – наука, неорелигия или научная идеология. Как теория, ориентированная на социальное изменение мира, он включает науку, но конечно же, больше чем просто наука. Как последней, марксизму предстоит интегрироваться со всеми достижениями естественных и социальных наук, полученными за последние полтора века. Но здесь никаких принципиальных проблем теоретического или методологического характера нет. Установка марксизма на поиск объективных закономерностей жизни и развития общества ныне еще более актуальна, чем когда была впервые выдвинута. Обращения к церкви, астрологам, политтехнологам – циклический откат в реакцию и мракобесие, ни одной проблемы XXI века он не разрешит. У истоков марксизм опирался на атеистическое миропонимание. Атеизм, однако, *тоже вера* – но не в Бога, а в его отсутствие. Поэтому атеистическое сознание сродни религиозному, их структуры идентичны. Разница – в предмете веры, но сама вера в обоих случаях – фундамент сознания и мировосприятия. Вот почему марксизм удалось трансформировать в неорелигию марксизма-ленинизма.

Идеология, научная в полном смысле этого слова, видимо, несбыточная мечта. Трудность не только в том, что для нее резко недостает потребных фундаментальных и социотехнологических знаний. Непреодолимая трудность – в природе самой